

Глава 4

Как только староста Ли Маодэ подошёл к воротам, толпа зевак невольно расступилась, давая ему дорогу. Он поспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как Вэй Саньнянь, широко замахнувшись тяжёлой палкой, собирается обрушить её на детей, в ужасе забившихся в пыли у его ног.

— А ну прекрати!

Ли Маодэ, почернев от гнева, выхватил у него палку и с силой отшвырнул её прочь.

— Окаянный!

Мужчину мучила нестерпимая боль в пояснице, но при виде старосты он даже испытал облегчение. Поспешно отступив, Вэй Саньнянь прижался к стене и замер, не смея пошевелиться.

— Какое же такое несчастье должно было стрястись, чтобы вы до смерти забивали восьмилетнего ребёнка?! — голос Ли Маодэ, преисполненный суровой властности, разнёсся по двору. — Вэй Саньнянь, ты же грех на душу берёшь!

Жена Вэй Саньняня, Лю-ши, тут же кинулась на защиту мужа:

— Уж чья бы корова мычала про грехи! Всё это пустые разговоры. Раз уж вы здесь, староста, так рассудите: откуда в нашем доме взялся этот приبلудный щенок? С чего это он ошивается у нас да объедает честное семейство Вэй?! А ну как это воришка засланный, что ждёт момента, чтобы обчистить нас вместе со своими поделщиками?

Старуха Фан, опершись на клюку, принялась причитать, изображая великое горе:

— Староста, вы должны за нас заступиться! Мы и так перебиваемся с хлеба на воду, нам ещё один рот в жизни не прокормить!

Услышав это, соседи не сдержали презрительных ухмылок. Если уж семейство Вэй «бедовало», то богачей в деревне и вовсе не осталось. Они умудрялись не только содержать сына-ученика, но и каждые десять дней выставляли напоказ у ворот жирное мясо да свежую капусту, хвалясь достатком перед всей деревней. Что-то тогда они о нужде не кричали.

Ли Маодэ посмотрел на незнакомого мальчишку, который, надрываясь от плача, прижимался к потерявшему сознание Вэй Чэну. Староста слегка наклонился и тяжело вздохнул:

— Дитя, ты откуда родом? Как звать тебя и где твой дом?

Горшочек захлёбывался слезами, не в силах вымолвить ни слова; из его груди вырывались лишь невнятные, полные отчаяния всхлипы:

— Не бейте... братик... братик...

Мальчик выглядел совершенно запуганным и жалким.

— Староста... — подал голос Мо-фулан, муж лекаря, пришедший к дому Вэй совсем недавно. — Пару дней назад Вэй Чэн приводил этого ребёнка к нам. Он... он обменял пойманного зайца на лекарства и старые ватные башмачки для малыша. Сказал, что нашёл его в горах и хотел сразу отвести к вам, да только вы тогда уехали навещать родню...

Тот всё понял. Помолчав немного, он произнёс:

— Мо-фулан, ступай позови своего мужа. Пусть заберёт мальчика и подлечит его. А деньги за лечение... — его суровый взгляд остановился на Фан-ши, — пусть взыщет с семьи Вэй.

Во дворе тут же поднялся невообразимый гвалт. Пожилая женщина отбросила клюку и принялась хлопать себя ладонями по бёдрам:

— Где это видано — тратить серебро на лечение этого негодника! Сам виноват! Притащил в дом невесть кого, правил не знает, вот старшие и проучили его для острастки! Это в порядке вещей! Лечить его ещё... Не бывать этому!

Жена Вэй Эрняня, Цянь-ши, холодно усмехнулась:

— Кто побил, тот пусть и платит!

Вторая ветвь семьи держалась в стороне, больше всего опасаясь именно такого исхода.

Лю-ши не выдержала и ввязалась в перепалку с Цянь-ши. Вскоре весь двор заполнился бранью двух невесток.

— Хватит! — оборвал их Ли Маодэ. — Кем бы ни приходился вам Вэй Чэн, вы не имели права забивать его до полусмерти. Если не боитесь кары небесной, так неужто не боитесь, что я донесу на вас властям?!

Пожилая женщина утерла слёзы:

— Донosite! Мне, старой, бояться нечего! Пусть судья сам посмотрит, что это за бродяжье семя тут объявилось!

— Ах ты!..

Ли Маодэ знал, откуда у неё такая дерзость. Поговаривали, что Вэй Линьлан приглянулась сыну одного богатея из города, который водил дружбу с самим уездным судьёй.

— Фан-ши, не думай, что если ты зацепилась за высокую ветку, то можешь ни во что не ставить старосту. Я полжизни занимаю это место и таких смутьянов, как вы, не боюсь. Не забывай, что твоему внуку Вэй Чжи для сдачи уездных экзаменов всё ещё нужно моё поручительство! — Ли Маодэ с негодованием взмахнул рукавом. — Семья, где измываются над сиротой, не может считаться достойной и чистой!

Вэй Чжи, до этого слушавший всё из комнаты, внезапно распахнул окно. Его глаза налились кровью от ярости и стыда:

— Бабушка!

Вэй Эрнянь с женой тоже не на шутку перепугались и принялись рассыпаться в извинениях. Лицо старухи Фан мгновенно переменялось.

— Староста, господин староста, не принимайте слова старой дуры близко к сердцу! — запричитала она. — Вы — глава нашей деревни Маоси, мы и помыслить не смели о неуважении! Мы... мы заплатим за лекарства! Только не губите будущее нашего Да Чжи!

Староста лишь тяжело хмыкнул, не обращая внимания на их мольбы.

Сказать по правде, во всей деревне Маоси едва ли набралось бы трое грамотных юношей, и он всегда по-особенному относился к семьям, где дети тянулись к учению. Ведь если в деревне появлялся хотя бы один сюцай, это было великим благом для всех. Он и не помышлял на самом деле губить будущее прилежного ученика, но семейство Вэй зашло слишком далеко, и у него не осталось иного способа приструнить их.

У Фан-ши ныли и рука, и сердце. Дрожащими руками она выудила кошелёк и, скрепя сердце, достала несколько медных монет, которые буквально впихнула в руки Мо-фулану:

— Будь добр, Мо-фулан, подбери для Чэна лекарств каких, пусть попьёт.

— Этого мало!

Тот ловко выхватил весь кошелёк из её рук, взвесил его на ладони и только тогда кивнул:

— Вот теперь в самый раз.

Её глаза округлились от негодования:

— Да на что там столько денег?! Всего-то пара отваров!

— А если вы ему голову проломили, так и этого не хватит! Мой муж сейчас лечит тех, кого ночью волки покусали в горах, запасы трав истощились. Скоро придётся в город ехать за новыми! Сами посудите: дороги завалены снегом, сколько сил и денег уйдёт на путь! Неужто этих грошей много?!

По просьбе Мо-фулана несколько крестьян подняли Вэй Чэна на руки. Мальчик с плачем бросился было за ними, крича, чтобы не трогали брата, но староста крепко обхватил его за плечи, не давая двинуться с места.

Мо-фулан сам был родителем, и сердце его сжалось от жалости. Он погладил малыша по щеке:

— Малыш, не плачь. Дядюшка просто заберёт братика подлечить, как только тот поправится — сразу вернёт его тебе.

Старая Фан едва сдерживалась, чтобы не вырвать кошелёк обратно. Там было не меньше сотни монет — на эти деньги можно было купить несколько цзиней свинины, чтобы подкрепить силы внука и дочери. Но сейчас будущее Вэй Чжи было важнее всего. Приняв подобострастный вид, она обратилась к Ли Маодэ:

— Староста, деньги на лекарства даны, мальчика лечить отправили... Но ведь этот... дикий ребёнок... Семья Вэй не обязана его кормить, верно? У нас и своих детей полон дом, нам не потянуть! Того, что вы когда-то поручили нам Вэй Чэна, и так достаточно, а этого приبلудыша нам уж точно не прокормить!

Ли Маодэ опустил взгляд на маленького, щуплого мальчишку. Заметив, что его крохотные ступни покраснели и распухли от холода, он поднял его на руки. Чувствуя, как малыш всхлипывает и вырывается, он принялся ласково успокаивать его:

— Не плачь, маленький, не плачь. Дядюшка найдёт тебе добрую семью, хорошо?

Горшочек всхлипывал, размазывая слёзы грязными кулачками:

— Хочу... хочу к братику...

— Нельзя тебе, Чэн сам ещё ребёнок, — староста повернулся к обступившим их жителям: — Пойду расспрошу старост в соседних деревнях, не терял ли кто сына. А пока не найдём родителей... Кто из вас готов приютить его на несколько дней?

Толпа, до этого шумно обсуждавшая происходящее, мгновенно стихла. В такую метель ни один ребёнок из доброй семьи не окажется в горах один. Да и в какой, пусть даже самой бедной семье, дитя оставят без обуви в такой мороз? К тому же мальчик был настолько худым и истощённым, что едва ли у него были родители. Если взять его «на пару дней», то он наверняка так и останется на шее навсегда.

Одна женщина нарушила тишину:

— Это гээр или ханьцзы?

Староста обвёл толпу взглядом и мельком осмотрел Горшочка. Родинок, которые обычно бывают у гээров на лице или шее, не нашлось.

— Маленький ханьцзы.

Женщина тут же потеряла интерес и зашептала с соседкой:

— Был бы гээр — я бы взяла. Подрастёт, будет нашему старшему женой-воспитанницей. А от ханьцзы один убыток: ест много, работы в поле на него не напасёшься, а потом ещё и жену ему ищи. Одни траты.

Соседка лишь сухо усмехнулась, а когда та отвернулась — презрительно взглянула ей в спину. Старшему сыну этой бабы уже исполнилось тринадцать, и он был форменным дурачком, не знающим стыда, — ишь чего удумала, невестку ему найти!

Ли Маодэ тяжело вздохнул. Раз никто не хочет брать, придётся...

— Староста! Если никто не берёт, я возьму!

Это был Ван Чжуанцзы. Он выступил вперёд с заискивающей улыбкой, словно смущаясь своего порыва:

— Мы с женой за десять лет брака нажили только дочку да братца Хуэй-гээр... Сна не знали, так хотели сына-ханьцзы, но жена, когда Хуэй-гээр рожала, всё здоровье оставила... Эх, так пусть этот мальчишка станет моим приёмным сыном.

Ли Маодэ нахмурился:

— Чжуанцзы, сердце у тебя доброе, но и жизнь нелёгкая. У тебя старая мать на руках больная лежит, может, не стоит?

— Не стоит отговаривать, староста! — вмешалась та, боясь, что мальчишка снова останется у них. — Чжуанцзы от чистого сердца предлагает, не мешайте ему! Ланьцю! А ну живо иди в комнату Вэй Чэна, собери вещи этого ребёнка и отнеси в дом Чжуанцзы!

Лю-ши тут же отозвалась и бросилась исполнять.

Мужчина низко поклонился:

— Спасибо, тётушка Фан! Спасибо, староста!

Он тут же шагнул вперёд и почти силой выхватил Горшочка из рук старосты, приторно улыбаясь:

— Ну, сынок, иди к папе. Назови меня отцом.

Горшочку этот человек совсем не понравился. Он тянул свои маленькие ручонки к старосте, который только что его обнимал, и хрипло плакал:

— Не хочу... не хочу... хочу к братику... к братику...

Ван Чжуанцзы лишь добродушно рассмеялся, похлопал малыша по голове и принялся клясться старосте, что будет любить этого сына как родного.

Ли Маодэ немного подумал и кивнул. Тот всегда считался в деревне человеком тихим и исполнительным.

В это время Лю Ланьцю вынесла рваный узелок и швырнула его прямо в Ван Чжуанцзы, злобно прикрикнув на ребёнка:

— А ну замолчи! Будешь звать брата — он снова побои получит! Хочешь, чтобы ему было хорошо, так иди со своим новым отцом и не вякай!

Старуха Фан одернула невестку, напоминая, что староста и соседи всё ещё смотрят.

Горшочек всё понял. Его огромные глаза наполнились беззвучными слезами, он шмыгнул красным носиком и перестал сопротивляться. Он замер в руках Ван Чжуанцзы, пока тот, сияя от радости, уносил его прочь.

Дом семьи Ван располагался неподалёку, всего через две улицы от Вэй. Ван Чжуанцзы пинком

открыл дверь и громко позвал:

— Мать! Выходи скорее!

Выбежавшая Чжэн-ши замерла на пороге, увидев на руках у мужа спящего мальчика с зарёванным лицом.

— Это ещё откуда?! — ахнула она.

Тот наскоро всё объяснил. Заметив, что жена вот-вот разразится гневом, он прижал палец к губам и нарочито громко произнёс:

— Живо уложи нашего сына на тёплую кан, пусть поспит! Да приготовь еды повкуснее!

Лишь когда ворота были заперты, а ребёнка устроили в тепле, двое родных детей Вана с любопытством обступили его.

Чжэн-ши развязала узелок. Внутри нашлись лишь потрёпанные туфли с тигриными головами да обыкновенный, донельзя грязный глиняный горшочек — казалось, он настолько пропитался грязью, что превратился в кусок камня.

В ярости она швырнула вещи в угол кана и, понизив голос, набросилась на мужа:

— Чжуанцзы, ты о чём вообще думал?! Нам и так жрать нечего! Зачем ты притащил лишний рот? Ты меня в могилу свести хочешь?!

Он поманил её к себе. Когда она подошла вплотную, Ван Чжуанцзы прошептал:

— погоди, не кипятись. Слышал я недавно в городе, что калеки — те, у кого рук или ног не хватает, — в день по сотне монет зашибают. А если богач какой подвернётся, так и серебром могут одарить!

Глаза Чжэн-ши лихорадочно блеснули:

— Ты хочешь сказать?..

Ван Чжуанцзы хищно улыбнулся:

— Наша семья скоро сказочно разбогатеет!

<http://bllate.org/book/15346/1372664>